

Никитина С. Е. «По звуку и по смыслу» (Осмысление звучащего слова в культуре народного протестантизма) / С. Е. Никитина // Научный диалог. — 2014. — № 12 (36) : Филология. — С. 37—56.

УДК 811.161.1'276.1:279

«По звуку и по смыслу» (Осмысление звучащего слова в культуре народного протестантизма)

С. Е. Никитина

Статья посвящена роли звучащего слова в непосредственной религиозной жизни русских конфессиональных групп и в их культурном самосознании. Материалом служили конфессиональные тексты молокан и духоборцев. В работе показано, что доминирование слуховой составляющей в этих культурах связано с оппозициями «внутреннее — наружное», «истинное — не истинное». Особое внимание уделяется анализу молоканского правила «по звуку / тону и по смыслу», соблюдаемого в построении молоканского богослужения и молоканских псалмов. В богослужении это правило реализуется совместно с молоканским кредо «По Духу и по разуму» и выражает идею семантической и корреспондирующей с ней звуковой связи (то есть эмоционального тона) темы богослужения, данной Богом, со всеми текстами бесед (проповедей) и псалмов, в собрании звучащих. При выборе псалмов (библейских текстов из самых разных книг Библии для пения) выполняется правило единства темы, которое заставляет иногда соединять в один псалом фрагменты разных частей библейских псалмов (из Псалтири) и даже из разных книг Библии. Поиск нужного фрагмента делается «по звуку и по смыслу», где под *звуком* понимается внутреннее звуковое ощущение текста. Привлечена к рассмотрению языковая игра и народная этимология, построенные также «по звуку и по смыслу» и выражающие важные элементы конфессиональной картины мира. Приводится предположение о. Павла Флоренского, что основное различие в устремлениях к католицизму и к протестантизму сводится к различию психологических типов — зрительного и слухового. Если его

принять, то условно употребляемое в научной литературе словосочетание *русский народный протестантизм* получает более твердое основание.

Ключевые слова: русский народный протестантизм; молокане и духоборцы; устная слуховая культура; звук / тон; слово; структура богослужения; структура псалма; народная этимология.

1. Устная конфессиональная культура и семантика оппозиций

Практически любая традиционная народная культура сохранялась и жила в течение многих веков на основе устной, слуховой традиции, то есть на основе звучащего слова. В народном православии этой устной бытовой и фольклорной традиции противостоит традиция письменная, доминирующая в богослужебной сфере и, особенно в старообрядчестве, во многом определяющая функционирование традиции устной. Однако существуют такие конфессиональные группы, то есть сообщества людей, возникшие в результате некоторых догматических и / или обрядовых расхождений с доминирующим в обществе / государстве вероисповеданием, в которых конфессиональная жизнь так же, как и бытовая, основана целиком или преимущественно на устных текстах. К ним, например, относятся духоборцы, которые в своих псалмах говорят: *Запишите во сердцах, Возвещайте во устах*, напоминая там же, что *Христос книг не раскладывал, наизусть все утверждал*, принимая тем самым как бы идущую от Христа устную форму существования своей конфессиональной традиции. Сюда же можно отнести и молокан, у которых изначально была единственная священная книга — Библия, но ее толкование, весьма разнообразное — в зависимости от толкователя — основано также на устной традиции, а сама Библия ценна, по мнению многих молокан, прежде всего книгами пророков, которые возвещали Божью волю устно. Устная конфессиональная традиция характерна также для хлыстов и других русских сект. В русском народном протестантизме, например, в молоканстве, эта ситуация обусловлена минимумом богослужебной обрядности в визуальной форме: звучащее

слово — сказанное или спетое — становится единственным каналом, соединяющим человека и Бога: «умозрение в красках» (Е. Трубецкой об иконописи) заменилось «умозрением в звуках».

Принимая ту точку зрения, что религия и культура — две различных сущности, а значит, религия не является частью культуры, замечу, что именно в конфессиональной культуре религия не просто накладывается на некоторые ее элементы, но проникает в нее, образуя слияние этих двух сущностей, подчиняя и образ жизни, и образ мыслей носителей такой культуры системе религиозных установок. Можно сказать, что конфессия — это не просто вероисповедание, но и сообщество людей, этим вероисповеданием объединенных (ср. *многочисленная конфессия*, но **многочисленная религия*).

Думаю, что для всякого религиозного человека сообщество, в которое он входит, должно быть именно таким, однако в современной цивилизации в доминирующем в государстве сообществе верующих полного слияния культуры и религии, как правило, нет. Оно осталось уделом находящихся на периферии конфессиональных групп, называемых обычно этноконфессиональными, поскольку большинство из них определяет себя как этнос через конфессию, что подтверждает зависимость этнических установок от религиозных. Религиозные правила проникают во все поры культуры, указывая не только как складывать руки во время богослужения, но и как сидеть за обеденным столом в самый обычный день (слияние культуры и религии в этноконфессиональных группах подчеркивается в культурологическом словаре [Культурология..., 1997, с. 378]. В самом словосочетании *(этно)конфессиональные культуры* уже выражена идея взаимопроникновения, или слияния, двух сущностей — культуры и религии. Этот способ соединения является основополагающим признаком, определяющим характер и формы проявления других общих признаков конфессиональных сообществ — таких, как обостренное самосознание, уверенность в своей избранности и др. Например, в конфессиональных культурах *замкнутость* преобладает над открытостью.

Ведь любое новое вероисповедание в начале своем, при выработке учения, требует закрытого круга посвященных. Далее замкнутость нужна, чтобы обеспечить меры, необходимые для сохранения чистоты вероисповедания и слитой с ним культуры, начиная с родильного обряда и кончая похоронным (подробнее об общих признаках см. [Никитина, 2014]).

Я буду говорить о двух этноконфессиональных группах русского народного протестантизма — духоборцах и молоканах. В них звучащее и слышимое значит больше, чем видимое. Это связано с одной из главных оппозиций в таких культурах — оппозицией «наружное — внутреннее». Когда церковная обрядность сведена к минимуму и отсутствуют внешние атрибуты веры — иконы, нагательный крест, видимые символические действия во время богослужения и пр., тогда особенно важную роль уже не только в обрядности, но и в повседневной жизни приобретает оппозиция «наружное / внешнее — внутреннее / сердечное» и близкая к ней «видимое — невидимое», а также «истинное — неистинное». Для духоборцев и молокан слово *церковь* обозначает только сообщество христиан, и никак не храм, как у православных, образ которого у народных протестантов связан с идеей внешнего ненужного украшения. Любимое изречение духоборцев (правда, не ими созданное, но в их псалмах зафиксированное): *церковь не в бревнах, а в ребрах*, то есть в сердце и душе, поскольку *человек есть храм божий*. Бог — Троица живет во *внутреннем, истинном человеке*, и это находит свое истолкование в духоборческих псалмах: «Пресвятая Троица — существо непостижимое. В человеке утверждается Отец-Бог — память, Сын-Бог — разум, Дух-Бог — воля. Бог — Троица един» [Животная книга, 1954, с. 15].

Духоборцы в своих псалмах неоднократно указывают: «Исповедую закон Господа моего Иисуса Христа и поминаю о нём **не внешне, а внутренне**». И ещё: «Аще кто **видимую** вещь за святыню почитает, тот супротив заповеди Божьей согрешает» (ЭМА) — здесь

работает оппозиция «видимое — невидимое» и связанная с ней оппозиция «истинное — неистинное/ложное».

Интересно, что отрицание вещных атрибутов веры — обрядовых предметов, ритуальных действий и ритуального поведения — не приводит в культуре и языке духоборцев к исчезновению таких слов, как *крест, кадило, икона, пост*; происходит переосмысление имени: вместо обозначения *ложных* предметов эти имена получают *истинные*, духовные смыслы: *крест* есть *вольная нищета и странничество*, *кадило* — *великое дело*, *пост* — *чистота духовная* и т. д.

В знаменитой молоканской книге «Дух и Жизнь», собранной из сочинений наставников и пророков молокан-прыгунов, было указано первое и важнейшее отличие религии предков от религии православной: «[Предки] принадлежали к греко-российской православной церкви — но **только по наружности**. **Внутренно** же исповедывали **чистосердечно** веру во Всемогущаго и везде сущаго и Всесотворшаго Бога, обитающего в живом существе — но не в мёртвом деревянном, каменном, или в других изображениях, сделанных искусственно руками человеческими по изволению и вымыслу людей» [Дух и Жизнь..., 1975, с. 11] (выделено мной. — С. Н.).

Многие молокане, подававшие после отмены крепостного права прошения выйти из православия, куда их практически насильно отправляли, и вернуться в свою веру, подчеркивали, что были в православии *лишь наружно*, а *внутренне*, или *сердечно*, всегда оставались в своей вере.

Как написано в одном из первых очерков о молоканах, их «наружное богослужение без сердечного расположения не вменяется в грех» [Исторические сведения..., 1858, № 3, с. 65—66]. Это означало, что в *наружном* богослужении участвовал не *внутренний человек*, то есть человек *истинный*, а внешний, который мог быть в маске православия. (Замечу, что все оппозиции, как мы видим из приведённых примеров, номинируются, то есть обозначаются самими носителями культуры. Тем самым название каждого составляющего

оппозиции (*наружное, внутреннее, видимое, невидимое, истинное, не истинное*) является обозначением понятия не только в языке исследователя, но и метапонятия в самой культуре — это говорит о высокой степени рефлексии, то есть культурного самосознания).

Известно, что подавляющее количество информации человек получает через зрение. Но видимое может оставаться для человека внешним. Звук же обладает способностью проникать глубоко внутрь. Как утверждают молокане, пришедшие извне или зарождающиеся внутри звуки слышимы не только «внешними», но и «внутренними ушами».

Интересно, что молоканское понимание слышимого как внутреннего близко к тому, что писал П. А. Флоренский в своей небольшой, но исполненной глубокого смысла заметке: «Но среди чувств — врата наиболее далекие друг от друга — это зрение и слух <...>. То, что дается зрением, объективно по преимуществу <...>. Напротив, воспринимаемое слухом — по преимуществу **субъективно** <...>. Звуки внедрены в ткань нашей души, наиболее глубоко захватывают наш внутренний мир, и звуком откликается на явления мира внутреннее существо бытия. Звук воспринимается и осознается как душа вещей» [Флоренский, 1990, с. 35—36].

Как ученый, о. Павел Флоренский дает психофизиологическое пояснение особенности слухового восприятия речи: «В восприятии звука мы активны чрез соучастие в активности звучащего, непосредственно нами разделяемой. И потому, слушая — мы тем самым говорим, свою внутреннюю активность не отвечая на речь, но прежде всего ее в себе воспроизводя [Там же, с. 37]. И далее: «Мы слушаем не ухом, а ртом» [Там же]. Добавлю, что очень многие люди легко могут проверить правильность этого утверждения на себе.

Итак, содержание рассматриваемых конфессиональных культур в большой мере основано на устной звучащей речи, реализующейся в речевом и певческом слове, а также в глубинном внутреннем звуке — отклике верующей души. Отметим в понятии устного два

существенных аспекта: звуковое воспроизведение вове и устную память. В молоканской культуре оба этих аспекта имеют принципиальное значение. Устное в первом аспекте — звуковое, воспринимаемое внешним слухом, является необходимым в богослужении, а также — как будет видно далее — условием понимания Библии даже наедине с самим собой. Устное для молокан во втором аспекте — противопоставленное письменному, хранится в невидимой памяти, где сакральное скрыто от «чужих». Как говорил платоновский Сократ о сочинении, «которое по мере приобретения знаний пишется в душе обучающегося, оно способно себя защитить и при этом умеет говорить с кем следует, умеет и промолчать» [Платон, 1970, с. 218]. Оно тоже звучит, но слышат эти звуки, по любимому выражению молокан, «внутренние уши», а образ звучащего видят «сердечные очи». Известно, что многие слепые люди обладают незаурядной устной памятью. Я познакомилась в Армении с пророком молокан-прыгунов, полностью ослепшим в детстве. Он помнил наизусть большие фрагменты текстов из самых разных книг Библии и легко цитировал их, указывая адреса и объясняя это тем, что мать часто читала ему что-нибудь из Библии.

2. Звук и смысл в структуре богослужения

Свои конкретные наблюдения я начну с речи и слова, звучащих в богослужении. Само слово *слово* в конфессиональной культуре имеет две смысловые сферы: божественную и человеческую. Слово божественное — это и Библия, или Писание, и Христос как второе лицо Троицы, и учение Христа. Божественное Слово сотворило мир:

— Прямо говорится в Евангелии: «В начале было Слово. И Слово было у Бога. И Слово было Бог». Я говорю, я с Вами разговариваю — Вы не видите слова. Звук Вы слышите, но какое такое слово — не представляете. Я говорю — *небо*, Вы знаете, что такое небо, я говорю — *стул*, Вы знаете, что такое стул. А *слово*? В Евангелии говорится: «В начале было Слово». Всё через него, этим Словом всё

начало твориться. Потому и нельзя представить само Слово, что всё, что вы можете представить, им сотворено (ЭМА).

Эти слова принадлежат Василию Ивановичу Сысоеву, молоканину из Лос-Анджелеса с двухклассным образованием, полученным в Иране, куда он с родителями, перейдя тайно границы Советского Союза, попал в начале 30-х годов XX века.

О творящей силе Слова / Глагола и пения говорят духоборческие вопросно-ответные псалмы, излагающие учение духоборцев:

- Что Господь сотворил прежде для себя?
- Глаголы и пение.
- С кем Господь совет положил человека сотворить?
- С глаголом и пением.
- С кем Господь небеса творил?
- С пением.
- Чем утвердил?
- Словом [Животная книга, 1954, с. 27].

Вторая смысловая сфера *слова* — слово человеческое. Но смысл многих человеческих слов связан со Словом божественным и является его толкованием в устной форме. Слово человеческое идет от разума, данного человеку Богом и потому весьма ценимого в народной протестантской среде. Как сказал один из молоканских беседников (проповедников): «Человек одной ногой на Слово, другой на слово — как на рельсы». Эти «рельсы», как считают молокане, проложили им путь, предначертанный Богом. И эти *рельсы* присутствуют в структуре их богослужения.

По Духу и по разуму, по звуку/тону и по смыслу — так говорят молокане о том, как устроено их богослужение (собрание). Что это значит? *По Духу и по разуму*, или *Духом и умом* — слова ап. Павла, обращенные к тем христианам, которые во время церковного служения говорили на *незнакомом* языке, непонятном окружающим. Молиться и петь нужно не только Духом, но и умом, то есть понимая смысл произносимого и давая понять это другим (1Коринф. 14, 15). В ис-

толковании молокан-прыгунов применительно к богослужению это представлено следующим образом.

Богом, или *по Духу*, дается *тема* богослужения. Первый певец или первый беседник (начать собрание может как тот, так и другой) тем самым эту тему эксплицирует. Следующий продолжает ту же тему, и так на протяжении всего собрания. К концу его нужно, как сказал один из молоканских беседников, из *золотой нити* темы, данной Богом, то есть данной по Духу, прибавляя к ней свое человеческое *прядение*, то есть разум, воплощенный в словах, «сплести из бесед и псалмопения прочный, неразрывный канат, соединяющий человека с Богом». Тогда Бог откликнется. Для молокан-прыгунов этот отклик проявляется в действии в людях Святого Духа, прежде всего, в пророчествах (подробнее см. [Никитина, 1998, 151—156, Никитина, 2013а, с. 267—272]).

Выражение *По звуку/тону и по смыслу* означает максимальное соответствие смысла фразы или слова и звуковых форм, их выражающих, а именно интонации, темпа, тембра, громкости словесной речи, а также характера напева псалмов.

Функционально молоканское богослужение, главным адресатом которого является Бог, делится на три части. В первой чередуются пение псалмов и беседы, подводящие к главной части богослужения — молению. Третья короткая часть после моления включает псалом *на расход*. Однако за исключением больших праздников (Пасха), где все богослужение пронизаны радостными псалмами, обычная служба по звуку и по смыслу делится скорее на две части: Первая, чаще всего, *просьбенная* по смыслу, к которой можно отнести и моление, часто *скорбная* по характеру пения (по звуку / тону); вторая — *благодарственная, или торжественная*, по смыслу и *радостная* по характеру пения (по звуку / тону). Таким образом, в богослужении обязательен перелом эмоционального настроения, или *звука*.

Богослужение развивается при наличии хороших певцов и беседников весьма динамично. Каждый следующий певец или беседник

должен «подхватить» и смысл, и звучание только что сказанного или непосредственно спетого, чтобы продолжить мысль *золотой нити*. Нужно отметить, что признанные беседники и певцы делают это мастерски. Смыслы разных жанров, из которых состоит дискурс богослужения, связываются начальным повторением — лексическим или семантическим — конечной фразы спетого или сказанного. Связь же *по звуку* между разными субъектами речи, как я заметила, выражается у молокан и духоборцев не только в том же эмоциональном настрое, в том же темпе речи, но, в частности, и в том, что каждый следующий говорящий или поющий старается начать с тона той же высоты, которую держал предыдущий, или высоты, отстоящей на кварту.

В молоканском богослужении слово предстает как речевое и певческое. Первое существует в нескольких интонационных вариантах в зависимости от цели высказывания, которая, в свою очередь, определяется функцией говорящего. Это может быть просто чтение Библии женщинами или детьми, когда учат отчетливо читать, делая правильные ударения в словах; это произнесение текста перед пением *звода* (музыкальной строфы), которое делает / *проказывает* *проказчик* / *сказатель*; здесь присутствует обычно интонация торжественного возвещения с повышением тона. Адресатами сказателя являются певцы, но одновременно и все собрание. *Беседник* (проповедник) *объясняет* и *назидает* — это интонация учителя; часто бывает несколько замедленное прочтение отрывка из Библии с намерением его далее толковать. Во время моления *пресвитер* или назначенный им человек произносит слова молитвы, известные всем. Он говорит довольно быстро. Его главным адресатом является Бог и одновременно все собрание.

Если в богослужении чаще всего бывает эмоциональный перелом, то в отдельно взятом тексте его быть не должно. Каждый текст един по звуку / тону и по смыслу. Таковы прежде всего тексты *бесед* (так по-древнерусски называются проповеди) и тексты молоканских псалмов.

Искусству беседы надо учить, и главное в обучении — связывать свои рассуждения по выбранной теме с цитатами или пересказами определенных фрагментов Библии, связывать *по звуку и по смыслу*. Чтобы этого достичь, прежде всего нужно в достаточной степени освоить Библию и научиться находить в ней нужное для своей темы. Далеко не все могут этим овладеть. В самом начале обучения учителю нужно определить, может ли ученик стать беседником. Как сказал мне американский беседник, определить, кем быть ученику — беседником или сказателем, — можно *по звуку* читающего Библию вслух.

Приведу высказывания этого молоканского беседника (проповедника), живущего в США. Он учит молодых искусству беседы и пониманию молоканского богослужения: «Я Библию от крышки до крышки много раз читал. Если тебе дали струну *бум-бум-бум*, то ищи *бум-бум-бум*, если дали урок *динь-динь-динь*, то ищи *динь-динь-динь*. Когда приходят, помолилися, говорю: “У нас тема урока какая? Ну-ка, читай”. Вот он (ученик) станет читать <...>, говорю: “Не подойдёт, потому **звука** там нету”. Вся священная Писания **по звуку** изложена, и каждый **звук** ведёт тебя в своё место» (ЭМА).

В этих высказываниях *бум-бум* и *динь-динь* не просто изображение разных по тону и тембру звуков — это указание на то звучание, которое корреспондирует со смыслом, выраженным в звучащих словах, это звуковой отклик на смысл каких-то фрагментов Библии и инструмент поиска сходного смысла в других текстах Библии.

Это тот внутренний звук, который рождается в душе человека, когда он понимает смысл данного фрагмента Библии. Беседником может стать только тот человек, который может слышать в разных текстах Библии тот же звук и соединить их в одно целое в своей беседе. Однако чтобы научиться этому, надо читать Библию вслух: «**Слово Божье — звуковое**. Если будешь молчком читать, ты никогда не поймешь. Я им говорю: “Когда вы читаете дома, вы читайте, чтоб ваши уши слышали. Тогда вы будете **звук** понимать”. У меня есть

выписки, как делать выражение слов. Я стараюсь, я неграмотный человек, но я стараюсь, я понимаю **по звуку**».

И, наконец, как заключение: «Служение наше идет **по звуку и по смыслу**. Заучитесь и будете определять **по звуку**, какое моление: бракосочетание, похороны, освящение младенцев» (ЭМА).

Очевидно, что в аналогичных высказываниях слово *звук* или *звучание* может заменяться словом *тон* — они синонимичны. Характер *звука*, или *тона*, кроме акустических характеристик, указывает на общую иллюкутивную направленность и эмоциональный настрой богослужебных текстов, реализующих данную Богом тему конкретного богослужения.

К моменту молитвы должно открыться и размягчиться (*расквильться*) сердце каждого человека. Функцию подготовки человека к молитве выполняет слово не только и даже иногда не столько в речи, сколько в пении — сердцевине молоканской культуры. Молокане говорят: *молоканин — это христианин, поющий псалмы*.

Именно в пении проявляется особенность человеческого голоса как божественного инструмента: это дар Святого Духа, поэтому другие музыкальные *рукотворенные* инструменты молоканам, как и духоборцам, не нужны. «Бог, когда сотворил человека, он дал ему такой голос, чтобы он своим голосом вырабатывал псалмопение, потому что это уже было открыто (то есть основы псалмопения даны Богом. — С. Н.). И не нужен инструмент. Инструмент не требуется тогда, потому что мы сами инструмент Божий становимся. И вместе с тем прославление идёт», — говорит один из молоканских певцов (ЭМА).

У молокан чётко прослеживается идея эстетического совершенства как пути к Богу. Красота слова и пения важна не сама по себе, она имеет цель — контакт с Богом. И хотя зерно богослужения служит моление, в подготовке *к слышанию Слова Божьего*, в создании ответной человеческой красоты, в плетении звукового «каната» важнейшим эстетическим и даже мистическим элементом является пение. Пение священо. Молокане любят повторять, как они говорят,

библейское изречение: «Бог сказал пророку: пойдя позови певцов, и я буду говорить с тобою» (Правда, в Библии такое изречение отсутствует, а нечто сходное по смыслу см. 4-я кн. Царств, 3, 15).

Такое же отношение к пению у духоборцев. У них есть выражение: *поднять душу на пение*. Времена антихристовы характеризуются, прежде всего, запретом на *Божье пение, алтарное служение*.

3. Звук и смысл в структуре псалмов

Остановимся на структуре молоканских псалмов, где связь звука и смысла выражена особенно явно и осознана в соответствующих текстах на эту тему. Здесь потребуется расподобить три вида звука: звук-напев / *голос* псалма; звук / тон, которым произносят текст псалма в чтении, и внутренний звук / настрой, идущий от усвоенного библейского текста и приобретающий внешние формы (вспомним *бум-бум* или *динь-динь*).

Обратимся прежде всего к книжным источникам псалмов. Обычно, говоря о Библии, псалмами называют отдельные законченные тексты книги Псалтирь, имеющие номера; их всего 150. Молокане называют псалмами песнопения, взятые не только из Псалтири, но из многих книг Ветхого и Нового Завета, и таких песнопений намного больше, чем 150. В сборнике для пения, изданном в США в 1935 году, насчитывается 357 псалмов. Но с тех пор появились новые псалмы, тоже имеющие источником Библию, так что общее число их увеличилось. Мне говорили, что хорошие певцы обычно знают не менее чем по 100—150 псалмов, при этом у каждого псалма свой сложный *голос*, то есть напев.

Псалом не может быть очень большим по объему текста, потому что во время богослужения, которое обычно длится около трех часов, нужно предварить моление чередованием нескольких псалмов и нескольких бесед, а структура молоканского псалма включает в себя не только пение с длительным распеванием слогов, но и произнесение каждой музыкальной строфы перед ее пропеванием.

Рассмотрим так называемые *псалмы с переходом*, чье название уже указывает на отказ от последовательного воспроизведения только одного библейского текста. Переходы могут как быть внутри одного текста, так и соединять тексты двух или более глав Библии или даже ее разных книг. Переходы демонстрируют установку молокан на продуцирование текста *по смыслу и по тону*. «Слова можно перекинуть, если что-то неподходящее. Перекидываем стихи или выбираем, если нужно для дела», — говорят молокане. Переход состоит в присоединении к уже имеющемуся фрагменту псалма одного или нескольких стихов, с этим фрагментом не соседствующих. Степень формальной удаленности ограничена только пределами самой Библии. Важно, чтобы присоединенные фрагменты выражали и развивали тот же смысл, что и первый фрагмент, причем последний стих иногда является итогом всего произнесенного ранее, чаще всего, *итогом-назиданием*, а иногда по смыслу возвращает к первому. Таков, например, *просьбенный* псалом 140, из которого поют стихи 1—4 и 8, потому что в первых четырех выражена просьба не дать «уклониться к словам лукавым для извинения дел греховных», в 8-м снова просьба: «не отринь души моей»; стихи же 5, 6, 7 описывают людей, совершающих беззаконие, — это другая тема, выраженная другими речевыми актами (и *звук не тот!*), которые могли бы составить *обличительный* псалом.

Если тема псалма сюжетна, то сюжет должен быть закончен. Так устроен молоканский псалом, посвященный мученику Стефану, который был побит камнями членами синагог за то, что он сказал, что видит в отверстых небесах сына Человеческого, сидящего одесную Бога. Глава 7 Деяний апостолов кончается тем, что умирающий Стефан просит Господа не вменить убийцам их греха. «И, сказав это, почил» (Деян., 7, 54—60). Глава 8 начинается с упоминания Савла: «Савл же одобрял убийство его. В те дни произошло великое гонение на церковь в Иерусалиме, и все, кроме апостолов, рассеялись по разным местам Иудеи и Самарии» (Деян., 8, 1). В молоканском псалме

этот стих опускается, а псалом оканчивается вторым стихом: «Стефана же погребли мужи благоговейные и сделали великий плач по нём». Нетрудно заметить, что в первом стихе 8-й гл. начинается тема Савла-гонителя христиан, будущего ап. Павла, и это другая тема.

Псалмов с переходом довольно много, по крайней мере, несколько десятков (более подробно см. [Никитина, 2013б]).

4. Роль народной этимологии в картине мира

Остановимся кратко еще на одной сфере вербальной культуры молокан и духоборцев, где связь звука и смысла так же явственно слышна. Это народная этимология и языковая игра, в лингвопоэтике называемая поэтической аттракцией [Григорьев, 1977]. Материал духоборческих и молоканских текстов дает много примеров на эту тему, и подавляющее большинство из них конфессионально окрашены, а слова часто метафорически переосмыслены.

У духоборцев в их псалмах, особенно так называемых вопросо-ответных (их около 150), можно найти десятки образцов языковой игры и народной этимологии [Никитина 1996]. Мы приведем только несколько.

Примеры звуковых повторов разной степени глубины дает псалом 177: *Фарисеи плевелы рассеивают — разумеите ее. Плоть похоть уловляет — удержите ю. Змей смертью убивает — не убойтесь его* [Животная книга, 1954, с. 168]. В первой фразе паронимами являются слова *фарисеи* и *рассеивают* (звуковой состав слова *фарисеи* почти целиком вкладывается в *рассеивают*, отличаясь только одним признаком звонкости / глухости *В* / *Ф*). Во второй фразе звуковым повтором разной глубины связаны все слова (заметим, что духоборцы — носители южнорусских говоров — смягчают *Т* в глаголах третьего лица единственного числа и поэтому скажут *уловляет*, усиливая фонетическое сходство с *плоть* и *похоть*. В третьей фразе связаны попарно слова *змей* и *смерть*, *убивает* и *убойтесь* — здесь уже звуковых повторов меньше.

Известно, что духоборцы переосмыслили мотивированное название, данное им одним из церковных деятелей XVIII века: *духоборцы* — *борцы против Святого Духа*, поскольку они не признавали церковную иерархию, ведущую свое начало с момента сошествия Святого Духа на апостолов. Духоборческое — ровно противоположное осмысление своего названия — отразилось в текстах нескольких псалмов, например:

{В} Почему ты духоборец?

{О.} Мы же Богу духом служим, духом избираем, духом бодрствуем, от духа меч берем, духовным мечем и воюем, от познания духом слова Божьего [Животная книга, 1954, с. 28].

Духоборцы очень много странствовали — чаще всего вынужденно — вплоть до последних десятилетий. Не поддерживался ли такой способ жить и тем, что *дорога* (*дарога*, как говорят акающие духоборцы) есть *дар*, *дарование Духа Святого* (вербальный код концепта *дорога*), а на духоборческой шапке, все детали которой семиотичны, есть зеленая полоса, означающая дорогу духоборцев по Вселенной (предметный код того же концепта)?

Если принять во внимание устную передачу учения как единственно приемлемую для духоборцев в течение почти двух веков, а также их повышенное внимание к внутренней форме слова, к *посланному слову* и его звучанию, можно сказать, что духоборческая модель мира построена в большой степени *по звуку и по смыслу*.

Для молокан предметом сосредоточенного внимания является внутренняя форма слова. В качестве примера приведу слово, чья внутренняя форма слегка изменена. Это минимум звуковых перемен, но слово обретает принципиально иное значение, определяющее один из главных догматов веры. В двух разных регионах я услышала вместо *богородица* *благородица*, и это неслучайно: для многих молокан Христос на Земле был великим пророком, но только человеком;

Богом же стал после смерти. Он рожден для спасения человечества, поэтому он есть *благо*, что и отражено во внутренней форме слова *благородица*.

5. Слуховые и зрительные ценности и типы вероисповеданий

Вернемся к заметкам о. Павла Флоренского. Он пишет:

«Понятно, что объективность зрительных впечатлений и субъективность слуховых соответственно учитывается религиозными складами и настроениями души. Там, где наиболее возвышенным считается внешнее, где предметом религиозных переживаний признается данность мира, пред нашим духом расстилающаяся, основным в религиозной жизни провозглашается **зрение**. Там же, где, наоборот, наиболее оцениваются волнения человеческого духа, и **они** именно почитаются наиболее внятными свидетелями о Безусловном, — там верховенство утверждается за **слухом**, — слухом и речью, ибо слух и речь — это одно, а не два, — по сказанному.<...>

Вот почему, если видеть, — впрочем неосновательно или не очень основательно, — в религии данности, в религии объективности — язычество, как всечеловеческую религию природы, уклон в натурализм и самый натурализм, а в христианстве, напротив, религию субъективных «интимно-личных» волнений, **каково на самом деле все протестантство** (выделено мной. — С. Н.) то естественна борьба против зримых образов и за слышимые звуки. Тогда «откровение» выступает против «явления». Напротив, при унижении звуков пред созерцанием, т. е. при устремленности к объективности, ценятся одни только явления, откровение же кажется «одними только словами», «пустыми словами», «одною только словесностью» [Флоренский, 1990, с. 37].

Не могу не отметить, что в культуре молокан мне очень редко приходилось слышать о видениях, которые связаны со зрительными картинками, зато было много рассказов об откровениях. Обычно говорилось: *ему / ей открылось* или *было открыто*. Чаше всего но-

сителями этого были пророки и ясновидцы. Случалось, что кому-то *открывалось*, как понимать Библию, тогда молокане вспоминали афоризм: «Не Библия открывает истину, но истина открывает Библию».

В молоканской же культуре я записывала рассказы о снах, в которых певцам *давался новый, никому не известный голос* / напев псалма или духовной песни, то есть они были авторами мелодии. Или они во сне усваивали напев, который перед этим долго не могли запомнить; обычно это осуществлялось во время строгого поста, который устраивал себе певец.

В рассказе духовборки об *обмирании* тот свет не столько зрим, сколько слышим: «Стоят молодцы отдельно, женщины отдельно. И поют. Пения, такая пения!» (ЭМА). На вопрос, чем занимаются люди в раю, молоканин ответил: «В раю ничего не делают, только поют» (ЭМА).

В конце своей заметки о. Павел Флоренский пишет: «М<ожет> б<ыть> основное различие в устремлениях к католицизму и к протестантизму сводится к различию психологических типов – зрительного и слухового. “Католики”, т. е. католичествующие, — люди зрительного типа, а “протестанты”, т. е. протестантствующие, — слухового» [Флоренский, 1990, с. 38].

Меня всегда удивляло и восхищало в молоканской и духовборческой среде большое количество людей с выдающейся словесной и музыкальной памятью. Конечно, и то, и другое можно развить, но для этого нужны очевидные задатки. Поскольку у духовборцев и молокан до середины XX века было мало смешанных браков, можно предположить, что их предки — выходцы из православия — обладали такими же способностями. И становится понятно, почему, когда вождь молокан Семен Уклеин шел в Тамбов со своими последователями, распевавшими только что созданные псалмы, то к ним присоединилось огромное количество людей. Для этого было много оснований, в том числе, конечно, то, что поставляемые чиновничеством священ-

ники были для них часто чужими людьми, но также и потому, что слуховое значило для них больше, чем зрительное. Очевидно, что слово *звук* у молокан называет мощный культурный концепт, пропитанный религиозным духом.

Слова П. Флоренского о психологических типах, тяготеющих к разным формам религии, могут служить объяснением многому, сказанному выше, а условно употребляемое в научной литературе словосочетание *русский народный протестантизм* получает более твердое основание для обозначения некоторых традиционных конфессиональных групп.

Источники и принятые сокращения

ЭМА – экспедиционные материалы автора.

Литература

1. Григорьев В. П. Паронимия / В. П. Григорьев // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. — Москва : Наука, 1977. — 392 с.
2. Дух и жизнь : Книга Солнце : [переиздано фотографическим способом Павлом Ив. Самариным]. — LOS Angeles, California, USA, 1975. — 766 с.
3. Культурология : XX век : словарь. — Санкт-Петербург : Университетская книга, 1997. — 631 с.
4. Исторические сведения о молоканской секте // Православный собеседник. — Санкт Петербург. — 1858. — № 3. — С. 42—80. — № 4. — С. 295—308.
5. Животная книга, 1954 – *Материалы* к истории и изучению русского сектантства и раскола : в 7 выпусках / под ред. В. Бонч-Бруевича. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1907—1916. — Т. 2 : Животная книга духовоборцев : [переизд.]. — Виннипег, Канада, 1954.
6. Никитина С. Е. Конфессиональные культуры в их территориальных вариантах (проблемы синхронного описания) / С. Е. Никитина. — Москва : Институт Наследия им. Д. С. Лихачева, 2013а. — 306 с.
7. Никитина С. Е. Об устных формах и способах освоения Библии в молоканской культуре / С. Е. Никитина // Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции : сборник статей / Институт славяноведения РАН. — 2013б. — С. 170—187.

8. *Никитина С. Е.* Паронимическая аттракция или народная этимология? / С. Е. Никитина // Язык как творчество : к 70-летию В. П. Григорьева. — Москва : Наука, 1996. — С. 318—325.

9. *Никитина С. Е.* Что объединяет конфессиональные сообщества? (старообрядцы, молокане, духоборцы) / С. Е. Никитина // Старообрядчество : история, культура, современность : материалы : в двух томах. — Москва : [б. и.], 2014. — Т. II. — С. 185—196.

10. *Платон. Федр* // Сочинения в 3-х томах. — Москва : Издательство социально-экономической литературы, 1970. — Т. 2. — С. 157—222.

11. *Флоренский П. А.* Философская антропология / П. Флоренский. — В кн. : П. А. Флоренский. Сочинения в двух томах / П. Флоренский. — Москва : Правда, 1990. — Т. 2 : У водораздела мысли. — С. 34—38.

© **Никитина Серафима Евгеньевна (2014)**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук — РАН (Москва), seniki38@mail.ru.